

Словарь старобелорусского языка.
Картотека

Идея создания словаря старобелорусского языка принадлежит выдающемуся белорусскому филологу Е. Ф. Карскому. Как отмечает В. И. Борковский, на внутренней стороне обложки авторского экземпляра 1-го выпуска второго тома «Белорусов» Карским был записан дальнейший план работы над «Белорусами», предусматривающий подготовку словаря современного белорусского языка и отдельно словаря старого западнорусского языка¹. Более определенно свои соображения относительно словаря старобелорусского языка Е. Ф. Карский изложил в специальной программной статье о перспективах белорусской филологии и затем во введении к третьему выпуску третьего тома «Белорусов». По мнению Карского, источниками этого словаря должны были явиться важнейшие рукописные и старопечатные памятники, начиная от XIII и до конца XVIII в. включительно. В связи с большим объемом работы составление старобелорусского словаря Карский относил к задачам более или менее отдаленного будущего. Удовлетворительно выполнить эту работу, по мнению ученого, могло только какое-нибудь специальное научное учреждение².

Мысль о целесообразности подготовки словаря памятников старобелорусской письменности была высказана и

¹ В. И. Борковский. Исследования Е. Ф. Карского по белорусскому языку. В кн.: Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 1. М., 1955, стр. 467.

² Е. Карский. Что предстоит сделать по белорусскому языку и литературе? «Вестник Народного комиссариата просвещения», 1921, № 1, стр. 28; Он же. Белорусы, т. III. Очерк словесности белорусского племени. 3. Художественная литература на народном языке. Пг., 1922, стр. VII.

А. И. Соболевским в докладной записке Отделению русского языка и словесности Академии наук от 2—15/V 1925 г. Он предлагал образовать при Отделении специальную комиссию по собиранию словарных материалов с центром в Петербурге и с отделениями в Москве и в других городах, где имеются достаточные ученые силы. Собираемые материалы А. И. Соболевский считал целесообразным распределить по нескольким группам. Среди них намечалась группа «Материалы для словаря старого языка Польско-Литовской Руси по памятникам литературы, законодательства и делопроизводства, оригинальным и переводным XV—XVII веков»³.

В первые годы советской власти внимание небольшого коллектива белорусских языковедов было обращено на решение ближайших актуальных задач белорусского языкознания, и вопрос о подготовке словаря старобелорусского языка на первых порах специально не ставился. Однако языковая практика того времени показывала, что лексический материал письменных памятников древнего периода в некоторой мере может служить источником пополнения словаря современного белорусского литературного языка. В связи с этим уже в середине 20-х годов составление словаря старобелорусского языка рассматривалось как одна из важнейших и первоочередных задач белорусской филологической науки. Вопрос о составлении словаря старобелорусского языка несколько раз обсуждался в словарной комиссии Института белорусской культуры, где в то время концентрировалась исследовательская работа по белорусской филологии. На одном из заседаний Отдела языка и литературы этого института было принято решение начать непосредственную работу по подготовке словаря с 1927 года. Сотруднику отдела языка и литературы Л. Цветкову было поручено разработать проект основных принципов составления этого словаря⁴.

Как видно из опубликованных материалов, составители словаря старобелорусского языка в основу своей работы положили принципы и методы, разработанные

³ См. ВЯ, 1960, № 2, стр. 110.

⁴ См. С. М. Некрашэвіч. Сучасны стан вывучэння беларускай мовы. «Працы Акадэмічнай канферэнцыі па рэформе беларускага правапісу». Мінск, 1927, стр. 61—62.

польскими лексикографами при подготовке старопольского словаря. Первоначальный список памятников для словаря был небольшой, он включал около 20 названий, но составители рассчитывали параллельно с обработкой намеченных источников проводить работу по разысканию и выявлению еще неизвестных произведений старобелорусской письменности. Составители намеревались выбирать словарный материал только из памятников, возникших на белорусской этнической территории и производящих впечатление белорусских по языку. Хронологические рамки словаря предполагалось ограничить XIII—XVIII вв.⁵

Однако работа по составлению словаря старобелорусского языка была прекращена в начальной стадии и практически не дала никаких результатов.

Вопрос о возобновлении работы по составлению словаря старобелорусского языка вновь был поставлен в конце 50-х годов в Институте языкознания им. Якуба Коласа Академии наук БССР. В план Института тема «Словарь старобелорусского языка» была включена в 1960 году, и тогда же началась подготовка картотеки. В течение 1960—1961 гг. было проведено несколько специальных заседаний Сектора истории белорусского языка с участием других ведущих сотрудников Института по обсуждению основных принципов составления словаря, предложенных руководителем темы, автором настоящей статьи. В ходе обсуждений был определен тип словаря, намечены ориентировочные сроки работы по этапам, установлены хронологические рамки словаря и его источники. Обсуждение этих вопросов проводилось с учетом как современных требований к лексикографическим трудам подобного рода, так и реальных возможностей их осуществления⁶.

Хронологические рамки словаря старобелорусского языка соответствуют предложенной Р. И. Аванесовым системе словарей восточнославянских языков древнего

⁵ О. В. Воўк-Левановіч. Аб прынцыпах і метадах укладання гістарычнага слоўніка беларускай мовы. «Запіскі аддзела гуманітарных навук». Кн. 9. Працы класа філалогіі, т. II. Мінск, 1929, стр. 1—19.

⁶ Подробнее об этом см. А. И. Журавский. О подготовке словаря старого белорусского языка. — ВЯ, 1963, № 4.

периода, согласно которой считается целесообразным подготовка одного словаря древнерусского языка и трех отдельных словарей восточнославянских языков раннего периода их самостоятельной истории⁷. Словарь древнерусского языка охватывает период от первых сохранившихся памятников письменности восточных славян до конца XIV в. включительно. Поэтому конец XIV в. следует считать наиболее рациональной нижней гранью словаря старобелорусского языка; высшая хронологическая грань определяется концом XVIII в.

Подбор источников для словаря сопряжен с трудностями теоретического и практического порядка. Своеобразие истории белорусского языка состоит в том, что в старину письменность в Белоруссии развивалась в условиях литературного многоязычия. В начальный период на белорусском языке осуществлялось делопроизводство, частично он применялся также и в произведениях литературно-художественного содержания, а для религиозных целей употреблялся церковнославянский язык. Позже белорусский язык значительно расширил свои общественно-культурные функции и проник даже в сферу церковно-религиозной литературы. Но постепенно он уступил свои позиции в важнейших сферах применения польскому языку, который к концу древнего периода вообще вытеснил белорусский язык из важнейших областей общественной и культурной жизни. Кроме того, в Белоруссии распространена была и средневековая латынь, частично употреблявшаяся в делопроизводстве, а затем ставшая языком науки. Наконец, после воссоединения белорусских земель с Россией в конце XVIII в. здесь начал распространяться и русский язык.

Сложной оказалась проблема разграничения белорусских и церковнославянских памятников. Традиционный церковнославянский язык в Белоруссии вследствие определенных политических и культурных условий подвергался значительному воздействию со стороны народной белорусской речи, что в конце концов привело к возникновению белорусской редакции церковнославянского

⁷ Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1966, стр. 12.

языка ⁸. Кроме того, произведения на белорусском языке не оставались в стороне от церковнославянского воздействия, причем степень этого воздействия не была одинаковой как в разные периоды истории белорусского языка, так и в пределах одного и того же времени и жанра. Вследствие всего этого в старобелорусской письменности выделяется некоторая часть памятников с сильной церковнославянской окраской («церковнославянизированный белорусский язык») и вместе с тем обнаруживаются церковнославянские тексты с ощутимым белорусским элементом («белорусизированный церковнославянский язык»). При определении источников словаря тексты с церковнославянизированным белорусским языком относятся к числу источников словаря старобелорусского языка, тогда как произведения на белорусизированном церковнославянском языке должны служить источниками словаря церковнославянского языка в его позднейших местных редакциях. Разграничение таких памятников основывалось на статистическом учете того, каким материалом (белорусским или церковнославянским) заполняются в памятнике те звенья фонетической системы, грамматического строя и словарного состава, которые получили неодинаковую реализацию в белорусском и церковнославянском языках ⁹.

Проблема разграничения белорусских и украинских памятников оказалась наиболее трудной при определении источников словаря старобелорусского языка. Этот сложный теоретический вопрос имеет длительную историю, но остается нерешенным и в настоящее время. Среди современных исследователей господствующим является взгляд, что в старину белорусы и украинцы пользовались одним письменным языком, а историки древней литературы находят к тому же единство литературного процесса у белорусов и украинцев древней эпохи. В связи с этим среди исследователей иногда раздавались голоса, что применительно к древнему периоду вообще нет необходи-

⁸ См. А. И. Журавський. Про білоруський варіант церковнослов'янської мови. «Мовознавство», 1967, № 4.

⁹ Указанная методика уже применяется при разграничении памятников в подобных ситуациях. Ею пользуются, например, составители словаря хорватско-глаголической редакции, которым приходится разграничивать церковнославянские глаголические и сербско-хорватские памятники. См.: ВЯ, 1966, № 5, стр. 102—104.

мости ставить вопрос о разграничении белорусских и украинских памятников, поскольку они объединяются единством языка и идейно-тематической направленностью.

С этой точки зрения, видимо, можно было бы создавать общий белорусско-украинский словарь с привлечением всех письменных памятников, возникших в древности в Белоруссии и на Украине¹⁰. Но такая мысль не находит поддержки со стороны современных исследователей: создание общего белорусско-украинского словаря древнего периода явилось бы основанием для заключения, что самостоятельная история белорусского и украинского языков начинается лишь с эпохи, которой пришлось бы завершить такой словарь¹¹.

В настоящее время разграничение белорусских и украинских памятников проводится по какому-нибудь одному из трех возможных показателей: национальность автора, место возникновения памятника и языковая характеристика. Однако в практике отдельные исследователи по-разному оценивают значение этих показателей.

Создатели картотеки словаря старобелорусского языка придерживались убеждения, что задача этого словаря сводится к тому, чтобы отразить лексику художественной, научной, публицистической, религиозной, юридической и других видов литературы, которая в древности создавалась в Белоруссии людьми разных национальностей и рассчитана была на удовлетворение общественных и духовных интересов белорусского населения. Определяющим должен быть учет того, где и в какой среде создавался памятник, на удовлетворение чьих интересов он ориентировался, где и кем он использовался. Логическое развитие этого тезиса приводит к признанию территориального признака как основного при разграничении белорусских и украинских памятников письменности древнего периода.

По территориальному признаку определялась и принадлежность позднейших списков памятников, которые

¹⁰ На целесообразность подготовки общего белорусско-украинского словаря древнего периода указывали Е. Ф. Карский («Труды по белорусскому и другим славянским языкам». М., 1962, стр. 563) и П. Зволинский («IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. II. М., 1962, стр. 127).

¹¹ Л. Л. Гумецька. Принципи створення історичного словника української мови. Київ, 1958, стр. 19.

возникли на одной территории, но сохранились в списках из других местностей.

Практические трудности при определении источников, во-первых, вызваны были тем, что большая часть старинных белорусских письменных памятников в настоящее время хранится преимущественно в архивах и книгохранилищах за пределами Белоруссии и тем самым оказывается труднодоступной для изучения (немногочисленные старинные памятники, хранившиеся в белорусских библиотеках и архивах, безвозвратно погибли во время оккупации Белоруссии немецко-фашистскими захватчиками).

Во-вторых, до настоящего времени не проведена необходимая библиографическая работа по учету и описанию старинных белорусских памятников, и сведения о них лишь частично можно почерпнуть из изданных еще в дореволюционное время библиографических трудов. Между тем в послереволюционный период произошли значительные перемещения библиотечных и архивных фондов без регистрации этого в специальной литературе, в связи с чем оказалось трудным, а иногда и невозможным определить местонахождение тех или иных ранее известных памятников.

При отборе источников за основу был взят список старинных белорусских письменных памятников, составленный в свое время Е. Ф. Карским, а также другой его список памятников, непосредственно использованных Карским в его исследованиях по истории белорусского языка¹². Сведения о белорусских старопечатных книгах извлекались из библиографических трудов В. С. Сопикова, И. И. Сахарова, И. П. Каратаева, В. М. Ундольского, А. И. Миловидова, С. О. Петрова, А. С. Зерновой и других исследователей старопечатных книг. Некоторые данные о старинных белорусских рукописях были получены из библиографических трудов А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, А. И. Соболевского, Ф. Н. Добрянского и Е. Ф. Карского. Они были дополнены разрозненными сведениями, содержащимися в разнообразных научных исследованиях по старобелорусской письменности.

¹² См. Е. Ф. Карский. Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильна, 1904, стр. 350—405; О п ж е. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. I. М., 1955, стр. 11—31.

В результате тщательного изучения всех перечисленных источников и ознакомления с публикациями старинных памятников письменности в начальной стадии работы над картотекой был составлен полный список древнебелорусских памятников, после чего началась непосредственная работа по разысканию их и изготовлению с них фотокопий и микрофильмов. Эта работа особенно интенсивно проводилась в период 1960—1965 гг., вследствие чего были собраны в виде фотокопий и микрофильмов все важнейшие известные в настоящее время старинные белорусские памятники светского и религиозного содержания. Имеющиеся сейчас в Секторе истории белорусского языка Института языкознания им. Якуба Коласа АН БССР фотокопии и микрофильмы представляют собой по разнообразию жанров единственное в республике собрание старинных белорусских памятников.

Полученные из разных библиотек и архивов (из Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Киева, Львова, Риги, Варшавы, Лондона) фотокопии и микрофильмы еще раз изучались на месте с точки зрения их языковых данных, вследствие чего некоторая часть их была отсеяна. На основе остальных был составлен окончательный список источников, которым и руководствовались выборщики в процессе подготовки картотеки.

Все памятники, послужившие источниками словаря старобелорусского языка, с точки зрения отношения их словарного состава к лексике живой народной речи, к традиционным лексическим средствам и к заимствованиям, а также по соотношению в них предметно-бытовой и книжно-абстрактной лексики подразделяются на три основные группы. Первую образуют грамоты, акты и другие деловые и юридические документы, судебные книги и статуты. В их основе лежит живая народная речь. Ко второй группе относятся памятники повествовательных жанров — оригинальные белорусские летописи, произведения мемуарной литературы и политической сатиры, а также переведенные преимущественно с польского языка воинские и рыцарские романы и повести, научно-исторические сочинения в виде историй, хроник и хронографов. В ранних из них много церковнославянской лексики, в позднейших лексические полонизмы образуют ощутимую составную часть. Третья группа включает памятники церковного содержания самых разно-

образных жанров, начиная от переведенных на белорусский язык отдельных частей священного писания и кончая наставлениями о совершении культовых ритуалов. Религиозная литература в большей или меньшей мере сочетает разнообразные лексико-тематические пласты, но она особенно заметно выделяется наличием книжно-абстрактной лексики, слабо отраженной в других видах старинной белорусской письменности.

Использованные в качестве источников письменные памятники в количественном отношении распределяются неодинаково по отдельным столетиям. Конец XIV и первая половина XV в. представлены сравнительно немногочисленными грамотами и договорами. Однако уже вторая половина XV в. дает некоторое разнообразие памятников в жанрово-стилистическом отношении. Из повествовательной литературы этого времени заслуживают внимания Уваровский и Виленский списки летописи конца XV в.¹³ и сохранившийся небольшой отрывок Александрии. Образцами апокрифической и агиографической литературы конца XV в. являются «Страсти Христовы», «Повесть о поклонении волхвов», «Житие Алексея, человека божьего» и большая по объему Четья 1489 г.

Значительным количеством и разнообразием памятников характеризуется XVI век. Здесь также преобладают памятники деловой письменности, из которых наиболее важными являются сохранившиеся во многих списках известные статуты Великого княжества Литовского трех редакций (1529, 1566 и 1588 гг.), они дополняются многочисленными судебными книгами городских, замковых и земских судов, актовыми записями городских управ, магистратов и магдебургий. К XVI в. относятся наиболее полные списки белорусских летописей (Академический, Евреиновский, Рачинских, Красинских), переводные воинские и рыцарские романы и повести («Троянская история», «Повесть о Тристане», «История о Бове», «История об Атиле»), переводы отдельных частей Библии.

В истории белорусской письменности XVI век занимает особое место благодаря появлению печатных книг, главным образом религиозного содержания, из которых для словаря старобелорусского языка были обработаны

¹³ Здесь и дальше упоминаются памятники, использованные при создании картотеки.

«Библия» Ф. Скорины 1517—1519 гг., «Катехизис» С. Будного 1562 г., «Евангелие» В. Тяпинского около 1580 г., «Катехизис» 1585 г., «Казанье Кирилла Иерусалимского» С. Зизания 1596 г. Ценный лексический материал дает «Лексис» Л. Зизания 1596 г. Из числа юридических памятников, напечатанных в то время, следует указать «Трибунал обывателям великого княжества Литовского» 1586 г. и «Статут великого княжества Литовского» 1588 г. В конце XVI в. были опубликованы и некоторые произведения полемической литературы: «Уния» 1595 г., «Описание и оборона собора русского берестейского» 1597 г. и «Апокрисис» 1598 г.

Большое количество разнообразных по жанрам памятников возникло в первой половине XVII в. Первое место по объему сохранившейся письменной продукции указанного периода занимают, как и раньше, деловые документы. К этому же времени относится и наибольшее количество старопечатных белорусских книг разнообразного содержания: «Гармония или согласие веры» (Вильно, 1608), «Два казания» Л. Карповича (Вильно, 1615), «Евангелие учительное» (Евье, 1616), «Киновион» (Вильно, 1618), «Казанье» М. Смотрицкого (Вильно, 1620), «Духовные беседы Макария» (Вильно, 1627), «Наука о семи тайнах церковных» (Вильно, 1620), «История о Варлааме и Иоасафе» (Кутейно, 1637), «Дидаскалия» (Кутейно, 1653), «Лексикон славеноросский» П. Беринды (Кутейно, 1653). В первой половине XVII в. появились и наиболее полные списки «Троянской истории» и «Александрии», а также белорусские переделки «Хроники славян» М. Стрыйковского и «Хроники всего мира» М. Бельского. Из мемуарной литературы этого времени представляют интерес «Дневник» новогрудского подсудка Ф. Евлашевского начала XVII в. и «Диариуш» А. Филипповича 1638—1648 гг. Переводная библейская, агиографическая и гомилетическая литература этого времени представлена разнообразными большими по объему рукописными сборниками, хранящимися в ЦБ АН Литовской ССР — сборники № 81, 82, 107, 255, 259, 261, ГИМ — сборники бывшей Синодальной библиотеки № 752 и 790, ГБЛ — № 159, 1017 и 2616 и ГПБ — № F.1.2 и F.XVII.5. Последние десятилетия XVII в. были периодом интенсивного вытеснения белорусского языка польским из важнейших сфер общественной и культурной жизни, вслед-

ствие чего старобелорусская письменность приходила в упадок. Единичные письменные памятники этого времени представляют собой главным образом списки более ранних произведений.

К XVIII в. относятся немногочисленные деловые документы этого времени, интермедии в школьных драмах и единичные двуязычные польско-белорусские драматические произведения вроде «Комедии» К. Морашевского 1787 г. Наиболее значительным и интересным в лексическом отношении памятником этого времени является печатное наставление для священнослужителей «Собрание припадков краткое и духовным особам потребное», изданное в Супрасле в 1722 г.

Использованные источники распределяются также неравномерно и в территориальном отношении. Опубликованный актовый материал относится в большинстве к северобелорусским городам и местечкам (Витебск, Полоцк, Могилев, Орша, Улла, Ушачи), неплохо представлен юго-запад (Брест, Гродно, Каменец, Кобрин, Слоним), слабее отражен в письменности юго-восток (Черчерск, Кричев) и даже центр белорусской языковой территории (опубликована лишь одна актовая книга минского происхождения). Печатные книги на белорусском языке также в большинстве происходят из северной части Белоруссии и примыкающих к ней территорий. Большая часть сохранившихся рукописных сборников поучений и житий святых также северобелорусского происхождения.

Перечисленные выше основные жанрово-стилистические разновидности старинной белорусской письменности не одинаковы по количеству сохранившихся и известных в настоящее время памятников. Наиболее многочисленными являются канцелярско-юридические документы. О количестве материала этого рода можно получить лишь приблизительное представление по позднейшим собраниям их. Например, в Виленский центральный архив, созданный в 1852 г. специально для хранения древних актов, во второй половине XIX в. было доставлено из городов и местечек Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерний 17 767 древних актов книг (позднейшие из них содержат документы на польском и латинском языках). В Витебском центральном архиве в конце XIX в. хранилось 1896 актов книг

из Витебской и Могилевской губерний. Часть старинного актового материала была опубликована в XIX и начале XX в.¹⁴, но основная масса и сейчас находится в книгохранилищах преимущественно за пределами Белоруссии: Москве, Вильнюсе, Варшаве.

Создатели картотеки остановились на обработке главным образом опубликованных деловых документов, стараясь сконцентрировать свое внимание на образцах, более или менее равномерно представляющих старинную деловую письменность в хронологическом и территориальном отношении. Непосредственно по фотокопиям и микрофильмам оригиналов удалось обработать свыше двух десятков книг Литовской метрики, хранящихся в ЦГАДА в Москве. Многие ранние белорусские грамоты были обработаны по фотокопиям, полученным из Рижского городского архива.

Создатели картотеки стремились избегать позднейших изданий. В позднейших публикациях, рассчитанных главным образом на историков и правоведов, проводились многочисленные упрощения и замены, вследствие чего нередко оказывалась искаженной не только орфографическая, но также грамматическая и словообразовательная структура старинного лексического материала. Сравнение позднейших изданий с оригиналами показывает, что публикаторы с целью упрощения издательской работы наиболее часто допускали такое упрощение, как внесение в строку выносных букв, что имело следствием значительные изменения в облике многих слов. При этом, например, отглагольные существительные с выносным суффиксальным согласным типа *будоване*, *писане*, *хожене* передавались

¹⁴ Помимо отдельных тематических изданий разного времени, следует указать такие публикации: «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею», тт. 1—5. СПб., 1846—1853; «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею», тт. 1—15. СПб., 1863—1892; «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа», тт. 1—14. Вильна, 1867—1904; «Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов», тт. 1—39. Вильна, 1865—1915; «Историко-юридические материалы, извлеченные из архивных книг губерний Витебской и Могилевской», вып. 1—32. Витебск, 1871—1906; РИБ — т. XX. СПб., 1903; т. XXVII. СПб., 1910; т. XXX. Юрьев, 1914.

тремя разными способами: будованье, писанье, хоженье; будование, писание, хожение; будованне, писанне, хоженне. Различно передавались глаголы 3-го лица наст. вр. типа берет, идет, несет: беретъ, идетъ, несетъ; беретъ, идетъ, несетъ; берет, идет, несет. Очень часто в позднейших изданиях проведена произвольная разбивка старинного сплошного текста на отдельные слова. Здесь, как правило, встречаются выражения типа в коротце, в место, во внутрь, до дому, за одно, з висока, з особна, на борздей, на верхъ, на перемены, на полы, на потомъ. Создателями картотеки все подобные словосочетания с точки зрения современного представления о лексике старобелорусского языка расценивались как целостные словарные единицы и соответственно этому оформлялись при подготовке картотеки.

Практика работы над подготовкой картотеки показала, что в прошлом имели место и случаи сознательной обработки старинных текстов с целью устранения в них редких языковых особенностей и подгонки их под общие нормы старобелорусской письменности. Наиболее последовательно эта тенденция проявилась при издании В. Б. Антоновичем известного «Дневника» Ф. Евлашевского¹⁵, где многочисленные фонетические, грамматические и лексические полонизмы были заменены соответствующими средствами старобелорусского письменного языка. Так, собственные оригиналы этого памятника полонизмы велкий, венцей, длукго, кторый, межне, ниц, потежне, рутити, слонце, чапка, чловек в издании переданы словами великий, болше, долго, который, мужественно, ничего, потужно, кинути, сонце, шапка, человек¹⁶.

В позднейших изданиях, кроме того, встречаются многочисленные типографские опечатки, приводящие к искажению многих слов.

Несомненной заслугой создателей картотеки следует признать то, что большая часть светско-художественной и религиозной литературы была обработана по оригиналам. Только деловые памятники, как уже указывалось, обработаны большей частью по изданиям.

¹⁵ См. «Киевская старина» 1886, январь—март.

¹⁶ Подробнее об этом см. А. І. Жураўскі. Заўвагі аб моўных асаблівасцях «Дзенніка» Ф. Еўлашаўскага. «Slavia orientalis», rocznik XVII, № 3. Warszawa, 1968.

При обработке памятников для словаря старобелорусского языка с п л о ш н а я выписка, при которой количество выписанных карточек должно точно соответствовать количеству словоупотреблений в памятнике, не применялась, поскольку заранее было решено, что та или иная частотность в словаре старобелорусского языка отражаться не будет. Однако обработка многих памятников была проведена настолько полно, что по своему характеру она приближается к сплошной выписке.

Полная выборка, предусматривающая выписку на отдельную карточку каждого слова памятника не менее одного раза в случаях, если дополнительная выписка этого слова не вызывалась какими-либо особыми соображениями, была основной. На отдельные карточки выписывались слова с каждым новым смысловым оттенком ранее зарегистрированного слова, а также каждый новый для данного памятника фонетико-орфографический или словообразовательный вариант. При выписке карточек выборщики стремились обязательно зарегистрировать употребленную в тексте исходную форму данного слова; обращалось также внимание на наиболее яркий контекст и на редкие грамматические формы, отступающие от общей письменной нормы. Ввиду всего этого практически при полной выписке каждое, даже самое обычное слово памятника оказывалось представленным не одной, а несколькими карточками. Полной выписке подверглась наиболее важная часть источников словаря старобелорусского языка.

На заключительном этапе подготовки картотеки применялась выборочная выписка, при которой на карточки заносились преимущественно новые слова, не выявленные в ранее обработанных памятниках, а также все новые дополнительные значения уже зафиксированных слов и новые орфографические и морфологические варианты. Выборочно расписывались главным образом позднейшие деловые памятники, содержащие сравнительно небольшое количество новых лексических единиц.

Подготовка картотеки начата была в 1960 г. путем ручной выписки карточек. С целью более быстрого количественного увеличения картотеки с 1961 г. был применен светопечатный способ подготовки карточек. Большие листы чертежной кальки разлиновывались на прямоугольные клетки по формату принятых для картотеки карточек,

в каждую из таких клеток вписывались черной тушью отрывки обрабатываемого текста средним объемом в 30—40 слов и справа внизу помещался паспорт текста. Подготовленные таким образом листы кальки передавались в светопечатную мастерскую, где по заданию выписчиков с каждого листа изготовлялось в среднем 20—30 копий. Полученные из мастерской копии разрезались по линиям на карточки стандартного размера и проходили дальнейшую обработку. В верхнем левом углу каждой карточки записывалось в исходной форме одно из содержащихся в отрывке слов, это же слово в тексте карточки подчеркивалось сплошной горизонтальной чертой.

Светопечатный способ позволил достигнуть значительных количественных показателей на первом этапе подготовки картотеки. Благодаря ему коллектив сотрудников из 7 человек в течение 1961—1963 гг. сумел подготовить около 500 тысяч карточек. Наличие большого числа копий позволило на отдельных карточках оформить почти каждое слово данного отрывка текста, поэтому светопечатная обработка источников оказалась почти равнозначной сплошной выписке. Следует при этом заметить, что таким способом были обработаны наиболее ценные в лексическом отношении светские и религиозные памятники старобелорусской письменности.

Однако постепенно дали о себе знать и отрицательные стороны этого способа подготовки карточек. Практика показала, что хотя при светопечатном способе общее количество карточек увеличивается очень быстро, но в целом обработка каждого памятника требует почти вдвое больше времени, чем при обычной, ручной выписке. Выписчиков также начал настораживать и тот факт, что по отдельным, в большинстве служебным словам заметно увеличивалось количество избыточного материала, могущего замедлить работу над словарем на втором этапе.

Учитывая все это, создатели картотеки с 1964 г. снова начали обрабатывать памятники ручной выпиской, ибо таким путем за одну и ту же единицу рабочего времени можно было обработать значительно бóльший объем текста и тем самым обеспечивалась возможность за весь дальнейший период подготовки картотеки обработать бóльшее количество источников. При этом принималось во внимание, что в конечном счете ценность будущего словаря будет определяться прежде всего количеством зафиксирован-

ных в нем слов, а для этого необходимо привлечь максимальное число памятников.

Первоначально выписчики работали без инструкции, поскольку все неясные вопросы, возникающие при подготовке карточек, решались на месте путем консультаций с руководителем темы.

Чтобы ускорить обработку намеченных источников, координационный совет по проблеме «Белорусское языкознание» при Институте языкознания им. Якуба Коласа АН БССР в мае 1964 г. принял постановление о привлечении к работе по подготовке картотеки на добровольных началах преподавателей и студентов филологических факультетов высших учебных заведений Белоруссии. С этой целью руководителем темы в 1965 г. была составлена специальная «Инструкция по подготовке картотеки словаря старобелорусского языка XIV—XVIII вв.». Эта инструкция, размноженная на ротапринте, была разослана соответствующим кафедрам. Но, к сожалению, вовлечь кафедры в эту работу на удалось.

Таким образом, вся работа по подготовке картотеки была выполнена сотрудниками Сектора истории белорусского языка. На темпе подготовки картотеки и в некоторой степени на общем ее качестве отрицательно отразилось то обстоятельство, что эту работу сотрудникам приходилось сочетать с подготовкой других исследований по истории белорусского языка. При составлении годовых планов научно-исследовательских работ предусматривалось половину рабочего времени посвящать подготовке картотеки и половину — другим темам. Однако достигнуть равномерного распределения рабочего времени практически не удавалось: как правило, другим, краткосрочным темам уделялось больше внимания и времени. С отрицательной стороны дало о себе знать и такое явление как текучесть научных кадров. Только четыре сотрудника Сектора (П. В. Верхов, А. И. Журавский, И. И. Кремко и С. К. Турцевич) работали над картотекой в течение всего периода ее создания. Новые сотрудники, главным образом выпускники высших учебных заведений, вынуждены были тратить значительное время на пополнение своих знаний в области палеографии, исторической грамматики, словообразования и лексикологии.

Приходится также сожалеть, что в период создания картотеки не было проведено ни одного совещания или кон-

ференции союзного масштаба по проблемам исторической лексикографии, хотя аналогичная работа осуществляется в нескольких научных центрах.

В течение 1960—1972 гг. была составлена картотека словаря старобелорусского языка в 1060 тысяч карточек.

Картотека хранится в Секторе истории белорусского языка Института языкознания им. Якуба Коласа АН БССР в шести картотечных шкафах, каждый из которых имеет по 91 картотечному ящику (всего 546 ящиков).

Карточки имеют формат 7 см в высоту и 11 см в ширину. Почти половина карточек изготовлена из светопечатной бумаги, другую половину образуют карточки, написанные ручным способом на ватманской или полуватманской бумаге белого цвета.

Текст каждой карточки состоит из трех обязательных частей: 1) заголовочное слово, 2) цитата из памятника, 3) паспорт карточки.

Заголовочное слово помещается в верхнем левом углу карточки. Оно записано унифицированной орфографией средствами современной графики с дополнительным использованием нескольких букв старобелорусского алфавита. Заголовочными являются все знаменательные и служебные части речи: существительные, прилагательные, числительные, местоимения, наречия, глаголы, предлоги, союзы, частицы и междометия. В качестве самостоятельных заголовочных слов оформлены существительные, прилагательные и наречия с суффиксами субъективной оценки, прилагательные и наречия всех степеней сравнения, а также причастия действительного и страдательного залогов наст. и прош. времени.

Цитаты на карточках, изготовленных светопечатью, состоят в среднем из 30—40 слов. На карточках, изготовленных ручным способом, объем цитат несколько меньший, но практически вполне достаточный для понимания каждого входящего в цитату слова. В большинстве своем цитаты представляют собой законченные по смыслу и грамматическому оформлению части текста, иногда включающие в свой состав несколько самостоятельных предложений.

В цитатах из рукописей и старопечатных книг сохранена графика и орфография оригиналов, титла не раскрыты, выносные буквы написаны над строкой, сохранены ударения, знаки препинания и прописные буквы старинного текста, опущены лишь надстрочные знаки, не имеющие

звукового значения, а предлоги, союзы и частицы написаны отдельно от тех слов, к которым они относятся.

В цитатах из позднейших изданий сохранены все важнейшие графические и орфографические особенности изданий, знаки препинания, прописные буквы и проведенная издателями разбивка старинного сплошного текста на отдельные слова.

Паспорт карточки помещается после цитаты в нижнем правом углу. На карточках, выписанных из больших по объему, но целостных по содержанию памятников, паспорт состоит из сокращенного названия памятника и обозначенного арабскими цифрами листа оригинала или страницы издания, например, Бер. саб., 96 (—«Описание и оборона собора русского берестейского», л. 96). Год и место написания памятника на таких карточках не обозначены, поскольку эти сведения будут помещены в общем списке источников. На карточках из многотомных изданий, если том содержит разновременный и разноместный письменный материал, после сокращенного названия памятника римскими цифрами обозначается том, арабскими — страница и год, затем указывается место написания документа.

Оборотные страницы рукописей и старопечатных книг, не имеющие пагинации, обозначаются номером предыдущей, правой страницы с добавлением буквы б.

Во многих карточках имеются еще и разнообразные дополнительные сведения, относящиеся как ко всей цитате в целом, так и к отдельным ее частям, оформленные в виде примечаний выборщиков. Частые в рукописных текстах описки в цитатах, как правило, выправлены, но оговорены в примечаниях. Здесь же помещаются и глоссы оригиналов, относящиеся к определенному слову цитаты. В примечаниях сообщаются и другие частные замечания, которые в большей или меньшей степени помогают более точному пониманию выписанной на карточку части текста.

Карточки, как правило, имеют следующий вид:

БАЧИТИ

игумень выше[^]ши пыта[^] его мовечы где бы[^]. А
цнь мнимаючи же его жадень не видевь рекль же
ту[^] недалеко. А игумень мови[^] же 1з тебе та[^] и
та[^] бачы[^]

Зб. 107, 108—108 б

Весь материал картотеки разложен по алфавиту согласно современному порядку букв. Карточки на каждое слово снабжены специальными разделителями. Отдельные слова, естественно, представлены не одинаковым количеством карточек. Некоторые служебные слова насчитывают по несколько тысяч карточек, в то же время в картотеке имеется много слов, зафиксированных всего лишь по одному разу.

Картотека отражает общую лексику старобелорусской письменности, но в ней содержится и некоторое количество антропонимического и топонимического материала.

Создание картотеки завершено в 1972 г., после чего составители приступили к окончательной обработке картотечного материала. Предстоит еще проделать большую работу по учету и объединению фонетико-орфографических вариантов. Так, в настоящее время дублетные орфограммы типа *аксамитъ* — *оксамитъ*, *вязенье*—*везенье*, *гуфъ*—*уфъ* находятся согласно с алфавитным порядком в разных местах картотеки без связи между собой. Следует найти наиболее рациональные принципы размещения карточек по каждому отдельному слову. Необходимо тщательным образом учесть общее количество слов в картотеке, степень отражения отдельных слов в карточках, количественное распределение их в жанровом и хронологическом отношениях, ибо от этого будет зависеть решение вопроса об общем объеме будущего словаря.

Картотека словаря старобелорусского языка уже в настоящее время используется научными сотрудниками при подготовке кандидатских и докторских диссертаций, при написании ими статей по исторической лексикологии и словообразованию. Она послужила надежной базой при создании ряда специальных исследований по истории белорусского языка¹⁷. Можно не сомневаться, что карто-

¹⁷ Имеются в виду работы: А. І. Жураўскі. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы, т. І. Мінск, 1967; У. В. Анічэнка. Беларуская-ўкраінскія пісьмова-моўныя сувязі. Мінск, 1969; А. П. Груца. Развіццё складаназалежнага сказа ў беларускай мове. Мінск, 1970; Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. Мінск, 1970. На materiale картотеки подготовлены «Словарь давних заимствований белорусского языка» (составитель А. Н. Булыко) и «Словарь языка Ф. Скорины» (составитель В. В. Аниченко).

тека не утратит своего значения и после того, как на ее основе будет создан словарь старобелорусского языка.

Пока еще окончательно не решен вопрос об объеме будущего словаря, но уже несомненно, что в словарь войдет лишь некоторая часть материалов картотеки. Сведения о семантических нюансах многих старобелорусских слов, их фонетико-орфографической, грамматической и словообразовательной биографии, о распределении их в хронологическом и жанрово-стилистическом отношениях в картотеке останутся представленными в более полном объеме, чем в будущем словаре.